

Экология и свобода

Андре Горц

1977

Оглавление

Экологический реализм	3
Политическая экономия и экология: Маркс и Иллич	7
Экология и изменение средств производства	11
Экология и кризис капитализма	15
Бедность богатства	23
Равенство и различие	28
Социальное самоуправление и внешнее управление: гражданское общество и государство	31

Экологический реализм

Капитализм, ориентированный на постоянный рост, мертв. Социализм, также ориентированный на постоянный рост и очень похожий на него, является кривое отражение нашего прошлого, а отнюдь не будущего. Марксизм, оставаясь пока что незаменимым инструментом анализа, утратил свою профетическую ценность и значение.

Развитие производительных сил, которое, как предполагалось, должно было позволить рабочему классу разорвать вековые оковы и установить царство всеобщей свободы, вместо этого лишило трудящихся последних остатков их самостоятельности, углубило пропасть между физическим и интеллектуальным трудом и уничтожило всякие материальные и экзистенциальные основы производительных сил.

Экономический рост, который, как предполагалось, должен был обеспечить благополучие и процветание всем и каждому, породил потребности куда быстрее, чем научился удовлетворять их, что привело к возникновению целого ряда кризисов, носивших не только экономический характер: рост и развитие при капитализме перетекают в кризис не только потому, что это — *капиталистический рост, но и потому, что любой рост имеет естественные границы и пределы.*

Нетрудно представить себе паллиативные средства решения той или иной проблемы, которая привела к возникновению кризиса. Но его характер таков, что любые последовательные и частичные решения, направленные на преодоление кризиса, будут неизбежно усугублять его.

И хотя нынешний кризис обладает всеми типичными признаками классического кризиса перепроизводства, он, однако, включает в себе целый ряд новых измерений, которые марксизм, за редкими исключениями, вообще не предусматривает и на которые система, до сего дня считавшаяся «социалистической», не способна дать адекватного ответа.

Это — кризис отношений между индивидуумом и экономической сферой как таковой, кризис самого характера производства, кризис нашего отношения к природе и нашему собственному телу, кризис сексуального поведения, общества, последующих поколений, истории, наконец; это кризис урбанистической модели жизни, среды обитания, медицины, образования, науки.

Мы прекрасно понимаем, что наша современная модель жизни не имеет будущего, что дети, став взрослыми, не смогут принести в наш мир ни запасов нефти, ни целый ряд привычных металлов, что если, осуществление текущих проектов по ядерной энергетике будет продолжаться сегодняшними темпами, запасы урана вскоре будут исчерпаны.

Мы сознаем, что все в нашем мире имеет конец; что если мы будем продолжать действовать так и дальше, в океанах и реках погибнет все живое, почва станет мертвой и бесплодной, воздух в городах — непригодным для дыхания, а жизнь сделается привилегией специально отобранных экземпляров новой человеческой расы, адаптированной посредством химиотерапии и генетического программирования для жизни в новой экологической нише, выбранной и высеченной инженерами-биологами.

Наконец, мы понимаем, что на протяжении последних полутора веков индустриальное общество развивалось за счет ускоренной эксплуатации природных ресурсов, для создания которых потребовались многие миллионы лет, и что вплоть до самого последнего времени экономисты — как сторонники классического направления, так

и марксисты — решительно отвергали как беспочвенные и «реакционные» любые рассуждения о перспективах на отдаленное будущее, все равно — нашей планеты, биосферы или цивилизации, «Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю», — заявил Кейнс, лукаво утверждая, что достигнутые горизонты экономического развития не претерпят сколько-нибудь существенных изменений в ближайшие десять-двадцать лет. «Наука, -пытаются нас уверить, — непременно откроет новые пути и возможности, а техническая мысль создаст нечто невиданное и немыслимое в наши дни».

Однако наука и техника так и не смогли совершить это обещанное эпохальное открытие: все производительные силы еще более активно зависят от природных ресурсов планеты, запасы которых близки к концу, и от создания системы точек выживания, поддерживающих хрупкое равновесие нашей экосистемы.

Задача заключается не в том, чтобы обожествить природу или «отойти назад», а в том, чтобы осознать простой факт: деятельность человека в мире природы имеет свои естественные границы. Нарушение этих границ вызывает ответную реакцию, последствия которой мы уже ощущаем в качестве специфических и еще недостаточно широко признаваемых факторов, таких, как новые болезни и новые типы проблем, неприспособленные дети (к чему не приспособленные?), спад ожиданий, возлагаемых на жизнь, снижение физических данных и экономических показателей и, наконец, снижение уровня жизни несмотря на постоянно повышающийся уровень материального потребления.

Ответная реакция экономистов вплоть до сего дня сводилась к обвинениям в «утопизме» и «безответственности» тех, кто пытался привлечь внимание к этим симптомам надвигающегося кризиса в наших отношениях с миром природы, — отношениям, лежащим в основе всякой экономической деятельности. Самое большее и дерзкое, на что осмеливается современная политэкономическая мысль в наши дни, — это посоветовать поддерживать потребление на уровне «нулевого прироста». И лишь один экономист, Николас Георгеско-Реген, имел достаточно здравого смысла и смелости, чтобы заявить, что даже при нулевом приросте продолжающееся истребление последних остатков природных ресурсов приведет к полному их исчерпанию. Главное теперь не в том, чтобы потреблять их все больше и больше, а в том, чтобы сократить потребление до минимума, ибо другого пути сохранить остатки этих ресурсов для будущих поколений просто нет.

Именно в этом заключается экологический реализм. Стандартное возражение на это обычно сводится к тому, что любые попытки затормозить или повернуть вспять процесс экономического роста неизбежно приведут к дальнейшему усугублению существующего неравенства, результатом чего станет дальнейшее ухудшение материального положения беднейших слоев. Однако идея о том, что экономический рост приводит к снижению неравенства, является ложной: статистика свидетельствует о том, что все обстоит как раз наоборот.

Можно доказать, что такая статистика взята только по капиталистическим странам и что социализм обеспечивает большую социальную справедливость; но зачем непременно стремится производить все больше и больше всевозможной продукции? Разве не более рационально улучшить условия и качество жизни, научившись расходовать ресурсы более эффективно, получая из них сразу несколько видов продуктов,

сводя к минимуму уровень отходов и отказавшись от производства социально агрессивных товаров, которые никогда не смогут стать доступными для всех или которые настолько загрязняют окружающую среду, что доходы от их реализации не стоят негативного влияния их выпуска, даже если такие товары со временем станут доступными для большинства? Радикалы, вообще отказывающиеся рассматривать вопрос о равенстве в отрыве от проблемы роста, лишний раз демонстрируют, что «социализм» для них — это не что иное, как продолжение капитализма несколько иными средствами: распространением ценностей среднего класса, его образом жизни и социальными представлениями (которые, кстати сказать, у лучших представителей этого класса уже начинают меняться под нажимом их же собственных дочерей и сыновей).

Сегодня недостаток реализма уже более не сводится к рассуждениям о всеобщем процветании путем изменения направления экономического развития и косметических изменений образа жизни. Недостаток реализма заключается в представлении о том, что будто экономический рост способен автоматически обеспечить человечеству всеобщее процветание, ибо на сегодняшний день это еще возможно.

Политическая экономия и экология: Маркс и Иллич

Политическая экономия как самостоятельная дисциплина неприменима ни к семьям, ни к небольшим общинам, слишком малочисленным для того, чтобы в них могли возникнуть пресловутое разделение труда между их членами, обмен товарами (или их продажа) и предоставление взаимных услуг. Политическая экономия начинается только там, где прекращается свободный совместный труд и взаимный обмен. Она начинается с социально обусловленного производства, то есть производства, основанного на социальном разделении труда и регулируемого механизмами, внешними по отношению к воле и сознанию индивидуумов, то есть рыночными процессами или централизованным планированием (или, наконец, и тем и другим).

«Человек экономический» (*homo economicus*), то есть некий абстрактный человек, на действиях которого построены все расчеты экономистов, обладает уникальным качеством; он не потребляет ничего из того, что производит, и не производит ничего из того, что потребляет. Следовательно, перед таким человеком никогда не возникают проблемы качества, пользы, вреда, красоты, счастья, свободы и морали; он озабочен лишь процессами обмена ценностей и товаров, количественными показателями и балансами доходов.

Экономисты не дают себе труда принять во внимание мысли, чувства и желания обычных людей; их интересуют лишь те материальные процессы, которые, независимо от своей воли, влечет за собой деятельность человека в любых ее формах в (социально обусловленном) контексте сокращения природных ресурсов.

В экономическом моделировании невозможно выделить хоть какое-то подобие этической составляющей. Маркс был одним из первых, кто понял это. Выбор, сделанный им, с известной долей схематизма можно выразить так:

- либо индивидуумы сумеют объединиться и во имя радикальной перестройки экономического процесса согласно своей коллективной воле и заменить социально обусловленное разделение труда добровольным сотрудничеством производителей, связанных друг с другом (кооперация);
- либо они останутся разделенными и разобщенными, и в этом случае интересы экономического процесса будут преобладать над целями и интересами отдельных людей, и рано или поздно централизованное государство, руководствуясь интересами целесообразности, принудит их к совместному труду силой, когда люди будут вынуждены трудиться уже не на себя. Выбор очевиден: «социализм или варварство».

Экологи находятся в таком же отношении к экономистам, в каком сами экономисты к добровольной кооперации, регулирующей всю хозяйственную жизнь семьи или небольшой общины. Экология как самостоятельная дисциплина априорно неприменима к тем сообществам или общностям людей, способы производства и производственные отношения которых не оказывают продолжительного негативного влияния на окружающую среду. Природные ресурсы кажутся неисчерпаемыми, влияние человеческого фактора на природу — ничтожным. В идеальном случае охрана природы как одно из неперемennых условий здоровой жизни базируется на неписаных законах мудрости, законах, признаваемых всеми.

Экология не выделялась в особую научную дисциплину до тех пор, пока экономическое развитие не разрушило или во всяком случае не нанесло окружающей среде серьезного ущерба. На этом пути она стремится достичь разумного компромисса между потерями и направлением экономической деятельности или, по крайней мере, внести в нее существенные коррективы. Экология занимается в первую очередь вопросами внешних ограничений экономической деятельности — теми самыми, с которыми экономика должна считаться, чтобы избежать негативных эффектов, идущих вразрез с ее же собственными целями и интересами.

Подобно тому, как экономика учитывает внешние ограничения, создаваемые действиями отдельных индивидуумов, когда на основе их возникают некие нежелательные коллективные результаты, экология учитывает внешние ограничения, которые влечет за собой экономическая деятельность, вызывая негативные изменения окружающей среды, которые сводят на нет все рассуждения о прибыли и т.п.

Точно так же, как экономика относится к сфере деятельности, выходящей за рамки взаимного согласия и добровольного сотрудничества, так и экология обращается к сфере, лежащей за рамками экономической деятельности и расчетов, но исключая последние, однако это не дает оснований говорить, будто экология — дисциплина более рациональная, чем экономика, но относится к той же сфере. Рациональность экологии — явление иного порядка: она показывает нам, что эффективность экономической деятельности носит весьма ограниченный характер и что в основе ее лежат некие внеэкономические факторы. Она, в частности, позволяет нам понять, что стремление экономики преодолеть относительные свои порождает — за некой определенной гранью — свои абсолютные и непреодолимые. Доходы оборачиваются убытками, производство разрушает и губит больше ценностей, чем производит. Столь пагубные явления имеют место, когда экономическая деятельность нарушает хрупкий баланс основных экологических циклов и/или уничтожает природные ресурсы, не подлежащие восстановлению.

Сталкиваясь с ситуациями такого типа, экономическая система в прошлом неизменно реагировала на них дополнительным увеличением производства; таким наращиванием выпуска продукции она стремилась компенсировать временный перебой. При этом не учитывалось, что подобные действия неизбежно усугубляют ситуацию; что за некой гранью меры, направленные на увеличение потока автомобилей, повлекут за собой увеличение «пробок»; что увеличение приема лекарств ведет к росту заболеваемости, поскольку заменяет устранение причин болезни снятием ее симптомов; что повышение потребления энергии вызывает новые формы загрязнения среды, уже выходящие из-под контроля и влекущие за собой новый скачок потребления энергии, рост загрязнения и т.д., и т.п.

Чтобы осознать «непродуктивность» таких действий, необходимо поставить вопрос о рациональности самой экономики. Именно это и делает экология: она показывает нам, что средства преодоления всевозможных сбоев и болезней, кризисов и тупиков индустриальной цивилизации следует искать не в наращивании выпуска продукции, а наоборот, в ограничении и сокращении материального производства.

Она наглядно демонстрирует, что куда эффективнее и «продуктивнее» сохранять природные ресурсы, чем варварски расходовать их, выгоднее подчиняться природным циклам, чем пытаться нарушить их.

И тем не менее у экологии тоже нет никакой этической составляющей. Одним из первых, кто понял это, был Иван Иллич. Альтернативы, которые он открыл для себя, с некоторым упрощением можно сформулировать следующим образом:

- либо мы согласимся наложить известные ограничения на развитие техники и индустриальное производство, чтобы сберечь природные ресурсы, сохранить экологический баланс, необходимый для жизни на нашей планете, и будем активнее содействовать развитию самостоятельности на уровне общин и отдельных индивидуумов (а это — главное условие выживания);
- либо все ограничения, необходимые для поддержания жизни, будут определены и спланированы на централизованном уровне инженерами-экологами, и оценка уровней производства, оптимальных с экологической точки зрения, будет поручена централизованным организациям и технологическим структурам (это — технофашистский вариант, путь, по которому мы уже почти начали двигаться). Выбор и здесь тоже весьма прост: «выживание или технофашизм».

Экология, будучи чисто научной дисциплиной, отнюдь не обязательно подразумевает неприятие авторитарных, технофашистских решений. Неприятие технофашизма является не следствием научно обоснованного понимания экологического баланса природы, а вытекает из выбора политической и культурной системы. Защитники окружающей среды используют экологию в качестве рычага для более активного продвижения радикальной критики нашей цивилизации и общества. Однако экологические аргументы могут также быть использованы для обоснования применения биологической инженерии применительно к человеческим системам.

Экология и изменение средств производства

Предпочтительность естественных, саморегулирующихся систем по сравнению с системами, основанными на разного рода внешних учреждениях и установлениях, вовсе не означает априорного обожествления природы. Нет ничего невозможного в том, чтобы искусственно созданные системы в некоторых отношениях были более эффективными, чем природные, естественные. Однако предпочтение, отдаваемое последним, желательно отстаивать как более рациональный выбор и с точки зрения политики, и с точки зрения этики, причем такое предпочтение обусловлено преимуществом децентрализованной саморегуляции по сравнению с централизованной гиперрегуляцией. Сфера «здоровой политики» предлагает нам особенно выразительный пример, способный послужить в качестве парадигмы.

Естественный отбор — это идеальный случай децентрализованной саморегуляции. Однако его удается обмануть и обойти благодаря использованию все более сложных медицинских средств и техники, способных спасти жизнь младенцев, которые без таких средств умерли бы в первые же дни или месяцы своей жизни. Тем не менее такие люди, достигнув зрелого возраста, произведут на свет потомство, страдающее наследственными заболеваниями, и за счет этого доля людей, подверженных таким недугам будет постоянно увеличиваться. Возникающее в результате этого ухудшение генофонда уже побудило некоторых ведущих генетиков поддержать осуществление на государственном уровне политики направленной евгеники, то есть регулирования свободы размножаться и производить потомство.

Таким образом, преодоление естественных средств саморегуляции вызывает необходимость применения внешних, административных регулирующих факторов. И, наконец, естественный отбор заменяется отбором социально мотивированным.

Однако последний в некоторых отношениях может быть признан более эффективным, чем первый; евгеника позволит предотвратить зачатие уродливых и нежизнеспособных особей, тогда как естественный отбор способен устранить их только после зачатия, а часто и после рождения. Но здесь есть одно весьма существенно отличие: естественный отбор происходит спонтанно, без всяких целенаправленных вмешательств. Евгеника же, напротив, допускает создание технобюрократии, которая и будет устанавливать административные нормы и критерии отбора. Естественная саморегуляция будет заменена регуляцией авторитарной.

Этот пример, который трудно назвать оптимистическим, должен продемонстрировать экологический принцип, заключающийся в том, что гораздо лучше предоставить природе действовать самой, чем искать способы исправления ее ошибок за счет все более широкого вмешательства в нее отдельных лиц или административных структур ради достижения доминирующего положения. Для эколога отрицание им системной инженерии объясняется не тем, что она искажает природу (которая отнюдь не является священной и неприкосновенной), а в том, что это вводит новые формы доминирования отдельных видов в уже существующие в природе процессы.

С политической точки зрения применение такого подхода совершенно очевидно: экологический подход абсолютно несовместим с понятием рационализма, свойственным капитализму. Кроме того, он также абсолютно несовместим с авторитарным социализмом, который (независимо от того, используется в нем централизованное экономическое управление или нет), является на сегодняшний день единственной системой внешней регуляции на государственном уровне. Позиция

экологов не имеет ничего общего и с либертарианским или демократическим социализмом, и их не следует смешивать. Установка экологов сводится к тому, чтобы действовать на ином, более фундаментальном уровне: уровне материальных предпосылок экономической системы. В частности, она проявляет особый интерес к характеру превалирующих технологических систем, ибо технические структуры, являющиеся базой экономической системы, отнюдь не являются нейтральными. На самом деле они отражают и определяют отношение производителей к их продуктам, трудящихся — к средствам своего труда, индивидуумов — к группе или обществу, и народа — к внешней среде. Технология — это матрица, в которой наглядно показано распределение сил, социальные отношения, обусловленные процессом производства, и иерархическое распределение видов труда.

Под маской выбора технических систем нам постоянно предлагается совершать выбор тех или иных социальных систем.

Выбор системы по чисто техническим критериям возможен очень редко, и при этом отбираются, как правило, не самые эффективные системы. Ибо капитализм развивает только те технологии, которые отвечают его логике и являются совместимыми с его стабильными доминантами. Однако он решительно отвергает такие технологии, которые не способствуют укреплению превалирующих социальных отношений, даже если они являются более рациональными с точки зрения конечного продукта. Капиталистические отношения производства и обмена уже четко прописаны в тех технологиях, которые капитализм настойчиво предлагает нам.

Борьба за иные технологии — это естественное средство борьбы за создание иного общества.

Все институты и структуры государства в большей мере обусловлены характером и ролью господствующих в нем технологий. Так, например, ядерная энергия, независимо от того, используют ли ее «капиталисты» или «социалисты», предполагает наличие централизованного иерархического общества с доминированием спецслужб.

Изменение средств производства — это основополагающее условие трансформации любого общества. Развитие добровольного сотрудничества, самоуправления и свобода общин и индивидуумов требует развития технологий и создания средств производства, которые:

- могут использоваться и контролироваться на уровне соседей или общины;
- способны генерировать более активную экономическую автономию для локальных и региональных сообществ;
- не наносят вреда окружающей среде;
- отвечают требованиям совместного контроля, предъявляемым производителями и потребителями к продуктам и процессам производства.

Разумеется, можно возразить, что невозможно изменить средства производства, не трансформировав при этом общество в целом, и что этого невозможно достичь, не взяв в свои руки власть в государстве. Такое возражение справедливо при условии,

что оно не имеет в виду, что социальные изменения и установления новой структуры власти должны предшествовать коренному преобразованию технологии. Ибо без изменения структуры технологии трансформация общества будет формальной и иллюзорной. Теоретические и практические определения альтернативных технологий, а также борьбы общин и индивидуумов (все равно — на коллективном или индивидуальном уровне) за право распоряжаться своей собственной судьбой должны постоянно находиться в центре внимания любых политических акций. Если же этого не происходит, то захват власти в государстве людьми, называющими себя социалистами, не сможет фундаментальным образом изменить ни доминирующую систему, ни сложившиеся отношения людей (полов) между собой и с природой. Социализм не обладает иммунитетом к технофашизму, наоборот, он в первую очередь готов пасть жертвой последнего. Как бы и когда бы он ни пытался упрочить верховную власть государства без одновременного развития и укрепления автономии гражданского общества.

Вот почему экологическая борьба в ее теперешнем виде представляет собой в первую очередь борьбу против капитализма, Эта борьба не может быть подчинена политическим целям социализма. И только там, где левые ратуют за полную децентрализацию и установление демократического социализма, такая система может послужить политическим оформлением требований экологов. Организованные левые силы во Франции и других европейских странах еще не достигли этого уровня; они пока что еще не включили экологические принципы ни в свою практику, ни в свои программы. Именно поэтому экологическое движение должно продолжать сохранять свою независимость и автономность.

Экологические требования носят фундаментальный характер; они не могут являться объектом компромисса или уступок, Социализм ничуть не лучше капитализма, если он прибегает к таким же средствам. Тотальное доминирование над природой неизбежно влечет за собой тотальное подчинение людей могуществу техники и власти. И если не существует других альтернатив, то желательно отдать предпочтение безъядерному капитализму, а не ядерному социализму, поскольку первый не представляет такой страшной угрозы для будущих поколений.

Экология и кризис капитализма

Всякое производство есть вместе с тем и разрушение. На этот факт можно было не обращать особого внимания до тех пор, пока производство не оказывало необратимого разрушительного воздействия на природные ресурсы. Еще бы: ресурсы ведь казались таким неисчерпаемыми. Они способны самостоятельно восстанавливаться: трава растет очень быстро, лес — медленнее, но тоже растет. Эффекты разрушения представлялись даже чем-то продуктивным. Более того, разрушение — это непереносимое условие производства. И так повторялось из века в век.

Увы, этот процесс необратим. Земля, по замыслу природы, — это не полигон для человеческого рода. Природа — это не сад, выращенный только для нас. Жизнь человека на земле весьма хрупка, и чтобы продлить ее, человеку приходится нарушать некоторые аспекты естественного баланса экосистемы. Первым широкомасштабным нарушением его явилось земледелие: оно изменило естественный баланс не только между разными видами растений, но и между растениями и животными. В частности, этот процесс включает в себя борьбу с различными вредителями и заболеваниями, или борьбу, которую можно вести как биологическими, так и химическими средствами, а это означает содействие выживанию определенных видов, считающихся «полезными», с тем чтобы помочь им одержать верх над другими, признанными «вредными». Именно таким образом земледелие буквально изменило облик поверхности нашей земли.

Однако природа не является чем-то неприкосновенным. «Прометеевский» проект «покорения», или «одомашнивания», природы отнюдь не является априорно неприемлемым с точки зрения окружающей среды. Любая культура (в обоих смыслах этого слова) вступает в конфликт с природой и изменяет баланс биосферы. Фундаментальные вопросы, затрагиваемые экологией, достаточно просты, но их необходимо знать каждому.

- Способны ли те изменения, которые деятельность человека приносит в природу, меняя и трансформируя ее, обеспечить сохранение и бережное отношение к запасам невозобновляемых ресурсов?
- Не могут ли разрушительные последствия производства превышать его позитивные стороны путем уничтожения возобновляемых ресурсов более быстро, чем те способны самостоятельно восстанавливаться?

В обоих случаях нет никаких сомнений в том, что экологические факторы играют решающую и все более важную роль в текущем экономическом кризисе. Это не означает, что такие факторы следует рассматривать в качестве основных причин кризиса: на самом деле мы столкнулись с кризисом капиталистического перенакопления, усугубляемого экологическим кризисом (и, как мы уже видели, социальным кризисом). Чтобы пояснить эту мысль, я хотел бы отдельно остановиться на различных уровнях этого кризиса:

а) *Кризис накопления.* Достигнув высокого уровня, развитие капитализма зиждется, в первую очередь, на замене рабочих машинами, живой рабочей силы — мертвыми средствами производства. Машина в свою очередь являет собой воплощение некой концентрированной и неодушевленной потенции в инертной форме, способной самостоятельно работать без участия человека. Однако производство машин стоит

дорого; инвестиции капитала в них могут оказаться прибыльными в том случае, если инвестор ожидает получить от них прибыль, превышающую затраты на их установку. И пока машины служат повышению производства, даже при посредстве рабочих, обслуживающих их, машины представляют собой капитал. А логика всякого капитала — это стремление к постоянному росту и развитию.

Расти или погибнуть — таков закон капитала. За исключением периодов длительной стагнации, когда фирмы, занимающие данный сектор экономики, заключают соглашение поделить между собою рынок и сбывать свою продукцию по одинаковым ценам (обычно такое соглашение называется картелью), различные компании активно конкурируют друг с другом. Они действуют следующим образом: каждая из них стремится окупить свои машины как можно быстрее, чтобы получить возможность установить новые, более производительные и эффективные машины, то есть машины, способные производить такой же продукт при участии меньшего числа персонала. Это явление принято называть повышением производительности.

Таким образом, по мере развития развитого капитализма создаются все более сложные и дорогие механизмы, обслуживаемые все меньшим и меньшим числом рабочих, от которых требуется предельно низкий уровень квалификации. Таким образом прямые расходы на производство снижаются, а доля чистого капитала возрастает (или, другими словами, повышается уровень прибыли, который обеспечивают хозяевам новые машины). Если следовать марксистской терминологии, происходит процесс усиления «органического слияния капитала». Если сформулировать это же явление несколько иначе, можно сказать, что промышленность становится все более и более капиталоемкой, она использует все большие объемы капитала для производства того же количества предметов потребления. Таким образом, ей приходится тратить все большую и большую часть прибылей на замену и обновление машин, одновременно стремясь компенсировать затраты инвестиционного капитала (по большей части представляемого банками) под проценты, выгодные в первую очередь для кредиторов.

Маркс показал, что рано или поздно средний уровень прибылей должен значительно понизиться: чем более капитала используется для производства того же объема потребительских товаров, тем заметнее снижение доли прибылей, получаемых от реализации продукции, по отношению к массе привлеченного капитала. Другими словами, такая масса не может возрастать бесконечно и не должна превышать определенный предел.

Но с того момента, как уровень прибылей начинает снижаться, в системе происходит сбой: машины более невозможно производить по прежней цене, в результате снижается выпуск продукции, приносящей прежние прибыли, и, следовательно, такие машины становится невозможно заменять столь же часто, как прежде. В результате этого производство машин (как и всех прочих изделий) быстро идет на спад, что влечет за собой лавинообразное падение производства. Обращаясь опять к терминам марксизма, возникает «перенакопление»: доля капитала в производстве становится настолько большой (а его органическая структура настолько повышается), что его оборот при нормальных тарифных ставках становится невозможным. «Производительность» капитала быстро снижается. Цена же капитальных фондов, которые не могут быть привлечены к извлечению достаточной прибыли, снижается

до нуля. Таким образом происходит самоуничтожение капитала: машины и конвейеры останавливаются, фабрики закрываются, рабочие теряют работу. Система переживает глубокий кризис.

Для того чтобы избежать кризисных явлений, лидеры капитала постоянно стремятся преодолеть тенденцию к снижению прибылей. В их распоряжении — два основных фактора:

- увеличение количества продаваемых товаров;
- повышение не объема продаж, а цены товаров, в частности, под предлогом того, что они становятся более качественными и сложными.

Совершенно очевидно, что оба эти подхода не являются взаимоисключающими. В частности, возможно увеличить объем продаж, выпуская товары меньшего срока службы и тем самым побуждая людей чаще покупать их; в то же время такие товары могут быть более дорогими, отличаться повышенной сложностью и технологичностью.

Такова природа потребления в богатых обществах; она предусматривает рост капитала, не сопровождающийся ни большим удовлетворением от товаров, ни расширением выпуска реально полезных товаров, которыми люди могут пользоваться в единицу времени. Напротив, она требует повышения качества товаров для достижения такого же уровня удовлетворения потребностей. Все увеличивающиеся объемы энергии, труда, сырья и капитала расходуются «на ветер», не принося людям ни пользы, ни хотя бы улучшения. Производство становится все более и более разрушительным и пагубным; в нем априорно заложены быстрый выход из строя или поломки изделий, то есть быстрая порча продукции задумана с самого начала.

Так, мы видели, что на смену жестяным консервным банкам пришли алюминиевые, энергозатраты на производство которых в пятнадцать раз выше; железнодорожный транспорт уступает место автомобильным перевозкам, влекущим за собой шести-семикратное повышение энергозатрат и основанным на использовании автомобилей и грузовиков, которые приходится менять гораздо чаще, чем поезда и вагоны; так практически исчезли узлы, скрепляющиеся при помощи болтов и винтов — на смену им пришли сварные или цельнолитые, которые не подлежат ремонту; рабочий ресурс духовок или холодильников снизился до шести-семи лет; изделия из натуральных волокон и кожи активно вытесняются синтетическими материалами, которые изнашиваются гораздо быстрее; растет многообразие упаковок разового пользования, производство которых требует таких же энергозатрат, как и производство стекла; все более широкое распространение получают салфетки, стаканчики и тарелки разового пользования; невиданного размаха достигло сооружение небоскребов из стекла и алюминия, на охлаждение и проветривание которых летом уходит столько же энергии, сколько на отопление зимой; и т.д. и т.п.

Нетрудно понять, что экономический рост такого рода — это, образно говоря, полет в один конец, не имеющий перспектив на будущее. Развитой капитализм стремится избежать потери прибылей и насыщает рынок всевозможной продукцией, обеспечивающей ускоренный оборот капитала, а также заранее планирует быстрое «моральное» устаревание потребительских товаров. Нетрудно заметить, что тем

самым он создает массу эффектов, противоречащих его первоначальным целям (тех самых, которые экономисты называют «побочными эффектами» или «шлаком»), порождая при этом целый ряд искусственных факторов дефицита, создавая новые трудности и новые формы бедности.

Этот полет в один конец, который может закончиться лишь одним - кульминацией экономического кризиса, похоже приближается к концу в результате так называемого нефтяного кризиса. Последний никак не связан с экономическим спадом, он лишь вскрыл и актуализировал негативные тенденции, нараставшие на протяжении многих лет. Помимо всего прочего, нефтяной кризис сделал очевидным тот факт, что капиталистическое развитие создавало и создает абсолютно непреодолимые трудности и проблемы: пытаясь преодолеть экономические препятствия на пути своего роста, развитие капитализма привело к возникновению реальных материальных препятствий.

б) *Кризис воспроизводства.* При капитализме абсолютный дефицит совершенно естественным образом выражается во взлете цен задолго до того, как возникнет реальный недостаток тех или иных товаров. Согласно догмам либеральной (или неоклассической) экономики, повышение цен на дефицитный товар влечет за собой увеличение выпуска данного товара, поскольку его производство становится более прибыльным. Такая система взглядов основана на том, что выпуск дефицитного товара всегда возможен и осуществим. Однако дефицит и перебои с товарами, которые начали возникать с середины 1960-х гг., являются принципиально иными, ибо относятся к товарам, производство которых невозможно. Интенсификация экономики не способна увеличить выпуск таких товаров: дефицит их обусловлен тем, что таких товаров в природе попросту очень мало.

Это относится и к наличию свободных земель в активно развитых в индустриальном отношении регионах; а также к воздуху, воде и естественному плодородию почв; к лесам, рыбным запасам и постоянно увеличивающимся видам сырья. Взрывной рост цен привел лишь к усугублению экономического кризиса и даже ускорил его приход, поскольку эта ситуация влияет на снижение уровня прибылей двумя путями.

- Когда воздух, вода и свободные земли в городе становятся дефицитом, просто физически невозможно увеличить их количество, независимо от того, какую бы цену за них ни предлагали. Их можно только разделить между большим числом пользователей или перераспределить неким иным образом. Что касается земли, то это означает строительство громадных небоскребов, или активное освоение подземного пространства, или готовность платить все более и более высокие цены за сельскохозяйственные земли, на которых затем будут построены производственные предприятия, города и дороги. Что касается воздуха и воды, то дефицит означает многократную утилизацию имеющихся запасов. Такое многократное использование сделалось необходимым не только в Японии, но и в долине Рейна: химическая промышленность Германии была вынуждена отказаться от экстенсивных методов развития, поскольку инвестиции, необходимые для многократной утилизации атмосферных объектов, могли бы стать чрезмерно высокими.

Необходимость в такой повторной утилизации имеет исключительную экономическую важность: это означает, что отныне необходимо воспроизводить все то, что прежде имелось в изобилии и могло быть получено бесплатно. В частности, воздух и вода стали такими же средствами производства, как и все прочие: индустриальные предприятия теперь вынуждены направлять часть своих инвестиций на строительство очистных сооружений, чтобы восстановить хотя бы некоторые из первоначальных свойств воздуха и воды. Последствием этой ситуации явится дальнейшее увеличение органической составляющей капитала (то есть доли капитала на единицу выпускаемых потребительских товаров). Однако все эти действия не влекут за собой повышения сбыта товаров; воздух и воду, подвергшихся циклической очистке и обеззараживанию на выходе из очистных систем предприятий химической индустрии, перепродать невозможно. Таким образом, падение прибылей становится неизбежным; продуктивность капитала сталкивается с материальными ограничениями. И ограничения, вызванные загрязнением окружающей среды, отнюдь не являются единственными в этом ряду.

- Исчерпание наиболее распространенных минеральных ресурсов, в частности таких, реализация которых как минимум окупает затраты на их добычу, представляет собой второе материальное ограничение уровня прибылей промышленного капитала и самой способности получать такие прибыли. Действительно, открытие и разработка новых месторождений сырьевых ресурсов невозможны без привлечения инвестиций, намного превышающих расходы на такие же цели в прошлом. И если средства для таких инвестиций все же будут выделены, это повлечет за собой повышение цены первичного продукта; а более высокая цена на первичный продукт в свою очередь негативно скажется на доходах предприятий перерабатывающей индустрии, и это в то время, когда они и без того идут на спад, учитывая изложенные выше причины.

Более того, разведка и добыча минеральных ископаемых в будущем неизбежно потребует еще более крупных капиталовложений, чем сегодня. Перед лицом быстрого роста цен сырьевых ресурсов, добываемых по этим новым, более высоким ценам, предприятия перерабатывающей индустрии должны начать разработку новейших технологий, обеспечивающих более эффективное использование первичных продуктов, и в том числе энергии. А это также требует новых и новых инвестиций.

Это помогает объяснить весьма оригинальную и кажущуюся парадоксальной характерную особенность нынешнего кризиса: несмотря на нарастающее перепроизводство и избыток производственных мощностей, нарастающее падение прибылей и все признаки застоя, уровень инвестирования остается чрезвычайно высоким, а цены продолжают расти. Традиционные экономические модели не способны объяснить этот парадокс, осознать истинный смысл которого можно лишь в том случае, если понять материальные причины, лежащие в его основе.

В сложившихся условиях капитал будет неизбежно испытывать серьезные трудности в финансировании дальнейших инвестиций, то есть, другими словами, окажется

неспособным обеспечить собственное воспроизводство. Восполнение индустриального капитала (этого, так сказать, *grosso modo*, материальной составляющей производства) не может более осуществляться посредством перемещения капитала; получается, что воспроизводство системы просто-напросто обходится дороже, чем она стоит. Другими словами, промышленность тратит больше средств на свои собственные нужды: она поставляет конечному потребителю значительно меньше товаров, чем прежде. Ее эффективность снижается, а материальные затраты растут. Так обстоит дело сегодня.

Цепь событий, приведших к возникновению нынешней ситуации, может быть разделена на две ключевых фазы.

На первом этапе производство становится все более вредным и бесполезным, то есть разрушительным, стремясь избежать кризиса перенасыщения. Оно ускоренными темпами ведет к уничтожению невозобновляемых сырьевых ресурсов, от которых зависит само, а также наращивает потребление в принципе возобновляемых ресурсов (воздуха, воды, лесов, почвы и т.д.) такими темпами, что быстро вызывает их оскудение.

На втором этапе, столкнувшись с истощением сырьевых ресурсов, промышленность предпринимает безумную попытку преодолеть дефицит тех или иных товаров, наращивая их производство ради производства. Но продукты этого дополнительного «взрыва» производства никак не сказываются на конечном потреблении; они бесследно поглощаются самой промышленностью.

С точки зрения конечного потребителя, возникает впечатление, словно промышленность стремится производить больше и, следовательно, больше потреблять всевозможных видов сырья и ресурсов, чтобы любой ценой поддержать уровень потребления населения на прежнем уровне. Баланс между производством и потреблением смещается и нарушается за счет последнего. Общая эффективность системы идет на спад. Попытки изменения системы отношений в сфере собственности (например, путем национализации) не способны преодолеть это падение эффективности. Самое большое, на что они способны (да и то на весьма непродолжительное время) — это обеспечить перевод ресурсов из сферы потребления в сферу инвестиций.

Однако национализация сама по себе не способна положить начало новой фазе устойчивого роста материального потребления. Дело в том, что препятствия, возникающие при этом, становятся слишком серьезными.

Короче говоря, мы имеем дело с классическим примером кризиса перенасыщения, усугубляемого кризисом воспроизводства, который, как показывают последние анализы, вызван нарастающим оскудением природных ресурсов. Решение этого кризиса можно найти не путем насильственного восстановления прежних темпов экономического роста, а только в радикальном изменении логики самого капитализма.

Существующая логика неустанно требует достижения максимальных показателей; создания максимально большого числа всевозможных потребностей и поиска путей удовлетворения их за счет производства как можно более широкого спектра потребительских товаров и услуг, с тем чтобы извлечь максимальную прибыль из всего этого потока энергии и ресурсов. Однако непосредственная зависимость между «больше» и «лучше» в наши дни нарушена. «Лучше» сегодня может означать «меньше»; мы

имеем в виду создание минимального числа потребностей и удовлетворение их за счет минимального расхода материалов, энергии и труда, чтобы свести к минимуму бремя негативного воздействия человека на окружающую среду.

И это вполне может быть достигнуто без обнищания широких слоев или социальной несправедливости, а также без ущерба для качества жизни при условии, что мы действительно готовы начать борьбу с подлинным источником бедности. Подлинным ее источником является не недостаток товаров как таковых, а сама природа этих товаров, та модель потребления и распределения, которую пропагандируют капитализм и неравенство, лежащее в ее основе. В последующих двух разделах я хотел бы более подробно остановиться на этих темах.

Бедность богатства

Богатая жизнь не только вполне совместима с производством меньшего числа потребительских товаров, а напротив, требует этого. Не существует никаких аргументов, кроме, разумеется, логики капитализма, не позволяющих нам производить и делать доступными для всех одинаковое адекватное жилье, одежду, домашнюю обстановку и транспортные средства, которые являются энергосберегающими, долговечными и простыми в эксплуатации и ремонте, при одновременном увеличении количества свободного времени и расширении выпуска по-настоящему полезных товаров, доступных для населения.

Прямая связь между формулами «жить лучше» и «производить меньше», по всей видимости, стала понятной для огромной части населения. Так, во Франции, согласно данным одного из последних опросов, 53% населения готовы смириться со снижением роста производства и материального потребления при условии, что это будет сопровождаться адекватными изменениями образа жизни; 68% согласны отдать предпочтение более классической долговечной одежде, чем модному тряпью, рассчитанному на один сезон; 75% опрошенных считают выбрасывание оберток и упаковочных контейнеров непозволительной роскошью и тратой полезных ресурсов; 78% респондентов готовы один вечер в неделю вообще не включать телевизор, если им будет предоставлена возможность полноценного общения с друзьями и близкими.

В промышленно развитых обществах люди ничуть не обеднеют от прекращения выпуска огромного количества ненужных потребительских товаров, что объясняется самой природой таких товаров и способами их производства. Чтобы бороться с бедностью, нам совершенно незачем продолжать выпуск массы совершенно одинаковых товаров, отличающихся только упаковкой или формой выпуска.

Упорное сохранение бедности в развитых промышленных странах нельзя объяснить теми же факторами, которыми принято объяснять существование бедности в так называемых слаборазвитых странах. В то время как последняя, согласно данным недавних анализов, может быть отнесена на счет материальных факторов, которые действительно можно преодолеть благодаря развитию (при наличии специфических условий) производственных сил, упорное сохранение бедности в богатых странах следует считать результатом самой социальной системы, порождающей бедность, точно так же, как она порождает безудержное обогащение богатых. Бедность создается и поддерживается, то есть, другими словами, производится и воспроизводится теми же темпами, которыми растет уровень совокупного потребления.

Прежде чем объяснить механизмы, лежащие в основе такого воспроизводства, важно помнить о том, что скудность природных ресурсов выражена не столь явно, как неравномерность и непропорциональность их распределения. Маршал Салинз убедительно продемонстрировал, что бедность и неравенство являются взаимноисключающими факторами: физическая бедность, имеющая место, например, в так называемых примитивных обществах, способна повлечь за собой особую бережливость или крайнюю нищету, однако она не может явиться причиной «бедности», как только ресурсы, лежащие в ее основе, появятся в достаточном количестве и будут доступны каждому. Бедность по определению обозначает нечто иное: лишение человека неких товаров или ценностей, доступных для других, а именно — для богатых. Подобно тому, как если в мире не будет богатых, то не будет и бедных, так и если в

нем не будет бедных, то не будет и богатых, Если же «богатыми» станут все, то это будет означать, что все станут и бедными, В отличие от нищеты, которая может рассматриваться как отсутствие самого необходимого для жизни, бедность по природе своей — явление относительное.

Исходя из этих определений, мы можем выделить три основные причины бедности в промышленно развитых странах.

1. *Насильственно лишение (отчуждение).* Это наиболее очевидная причина бедности: богатые монополизуют ресурсы, которыми в противном случае могли бы пользоваться все и совершенно свободно. Типичный пример этого — отчуждение прав на землю и водные ресурсы там, где их хватило бы на всех. При этом распределение таких ресурсов на основе равенства открыто игнорируется. Монополизация этих ресурсов несколькими богачами не может восприниматься как результат мнимой скудости таких ресурсов, их дефицита. Все обстоит как раз наоборот: дефицит является или следствием такой монополизации, или доминированием одного класса или касты над другими.
2. *Право исключительного пользования.* Мы говорим о праве исключительного пользования, когда господствующее меньшинство лишает все остальное население права пользоваться их же природными ресурсами, которые вследствие либо их скудости, либо неких иных причин не могут быть равномерно распределены между всеми и не могут служить объектом пользования каждого. Типичный пример этого — установление прав исключительного пользования некими природными зонами, привлекательность которых была бы мгновенно уничтожена, если бы в них был разрешен доступ всем желающим; или установление платы за пользование такими общечеловеческими природными дарами, как чистый воздух, солнечный свет или тишина, то есть факторами, которые невозможно сохранить в данном конкретном месте без ограничения доступа к нему.

Установление исключительных прав чаще всего достигается посредством коммерциализации права доступа; чтобы получить доступ на пляж, вам необходимо снять номер в гостинице, заказать ужин в ресторане прямо на пляже или приобрести виллу; для того чтобы наслаждаться солнечным светом или тишиной, вам может потребоваться купить уединенный домик в каком-нибудь тихом местечке, что обойдется вам достаточно дорого, хотя сами по себе и свет, и тишина являются бесплатными.

В такой ситуации исключительный доступ сам по себе не создает дефицита: дефицит вполне реален, и средств для преодоления его не существует. Таким образом, исключительный доступ не может рассматриваться как непреодолимое препятствие на пути равного распределения; на самом деле он служит охранительной мерой, спасая нечто, что в случае свободного и равного распределения было бы полностью уничтожено и что в силу этого просто не подлежит равномерному распределению. Однако такое сохранение природных ресурсов в большинстве стран осуществляется исключительно в интересах ничтожного

меньшинства, для которого такое право исключительного доступа составляет особый символ богатства и могущества.

Этот пример свободной доступности света и тишины демонстрирует возможность создания новых факторов неравенства и, таким образом, нового разделения на богатых и бедных посредством формирования искусственного дефицита ресурсов, имеющихся в изобилии. Такое создание искусственного дефицита — один из основных механизмов, посредством которого постоянно репродуцируется бедность. Путем уничтожения — без всякой видимой необходимости и экономической целесообразности — многообразных ресурсов, имевшихся прежде в изобилии, и установления особых прав доступа к еще оставшимся на коммерческой основе, капитализм создает новую форму привилегий и бедности и тем самым препятствует устранению условий, рождающих бедность.

3. *Выборочное потребление.*

Мы используем этот термин применительно к потреблению товаров или услуг сомнительной практической ценности, которые тем не менее вследствие своей ограниченности или дорогой цены являются некоторым фактором престижа для тех, кто имеет к ним доступ. Выборочное потребление может иметь негативные последствия, однако это не является обязательным. Так, например, полет на сверхзвуковом самолете приводит к целому ряду негативных последствий и расходу ценных ресурсов. Так, «Конкорд» служит примером негативного использования огромного объема трудовых ресурсов, что, в принципе, само по себе является позитивным фактором для общества в целом; кроме того, каждый его полет связан с расходом громадного количества топлива, что влечет за собой дальнейшее оскудение мировых запасов нефти.

Кроме того, «Конкорд» является в то же время одним из источников поддержания бедности, независимо от использования социальных ресурсов, лежащих в основе его создания: он служит вызывающим примером подчеркнутого неравенства желаний и возможностей.

Желание летать со скоростью, вдвое превышающей скорость звука, чтобы сэкономить четыре часа на перелет из Парижа в Нью-Йорк, это, помимо всего прочего, желание чего-то особенного, исключительного, представляющегося необычайно важным и значительным для тех, кто имеет возможность и средства реализовать его. Люди, которые используют это транспортное средство, поступают так не ради удовольствия или тех преимуществ, которыми оно якобы обладает (на самом деле полет с дозвуковой скоростью куда более комфортабелен), но ради того, чтобы продемонстрировать свое исключительное право пользоваться чем-то таким, что по определению является исключительной привилегией богатых и сильных.

Выборочное потребление — это второй важнейший механизм репродуцирования бедности: как только некий товар становится общедоступным, настает время продвигать на рынок новый продукт. Этот продукт, являющийся поначалу дефицитным и дорогим в силу самой своей новизны, позволяет богатым,

независимо от того, превосходит новый товар старый или нет, проявить себя именно в качестве богатых и еще раз подчеркнуть бедность бедных. Это — то самое явление, которое Иван Иллич называет «модернизацией бедности».

При постоянном наращивании производства бедность никогда не будет преодолена. Для решения этой проблемы требуется переориентация производства с учетом следующих критериев:

- социально значимые товары должны быть доступными для всех;
- их производство не должно сопровождаться уничтожением природных ресурсов;
- эти товары должны быть такими, что, став доступными для всех, они не повлекут за собой массового загрязнения или каких-либо экологических проблем, способных свести на нет пользу от их применения.

Но это еще не все. Переориентация производства в соответствии с этими критериями предполагает проведение «культурной революции»: бедность исчезнет лишь в том случае, если будет устранено неравенство прав и возможностей, лежащее в ее основе. В самом деле, различия в уровне потребления — это часто не более чем средства, в которых находит свое отражение иерархическая структура общества. В экстремальных случаях единственной целью выборочного потребления является возможность продемонстрировать другим, что они бедны и не могут приобрести нечто такое, что является априорно желанным для всех. Именно в этом, например, заключается основной смысл приобретения изделий из драгоценных камней или произведений высокой моды.

Такие товары не только служат выражением достатка, влияния и комфорта, они просто демонстрируют способность меньшинства приобретать товары, недоступные для других. И единственная функция таких товаров заключается в том, чтобы подчеркнуть такое неравенство.

Следовательно, равенство в потреблении может явиться лишь результатом, а не средством достижения социального равенства. Последнее зависит от устранения иерархической структуры. Если иерархия влияний и функций сохраняется, это очень скоро приведет к восстановлению неравенства материального и символического (что имеет место в авторитарных социалистических обществах). Если же последнее будет устранено, материальное неравенство вскоре потеряет всякую социальную значимость.

Равенство и различие

Материальное неравенство перестает быть главной заботой, как только оно перестает быть символом иерархического статуса: материальное благополучие не унижает и не ставит других на грань нищеты, если оно не сопровождается иерархией возможностей или правом распоряжаться жизнью других людей. Материальная бедность не является унижительной до тех пор, пока право довольствоваться меньшим числом товаров исходит от самих низов общества, а не навязывается им силой.

Нежелание многих современных марксистов признать эти факты демонстрирует, в какой мере их собственные культурные установки и системы ценностей искажаются под влиянием имущественных отношений; неравенство для них означает не только то, что люди являются «различными», но и что они могут занимать более «высокое» или «низкое» положение в зависимости от того, зарабатывают они «больше» или «меньше». Однако именно одномерный характер ценностей, жизненных укладов и индивидуальных целей и явился тем фактором, который способствовал распространению отношений собственности и наемного труда во всех сферах человеческой деятельности.

Конкуренция, предприимчивость и страсть к стяжательству во имя равенства или «социальной справедливости» возможны лишь в социально однородном универсуме, все различия в котором носят чисто количественный и, следовательно, поддающийся измерению характер. Между тем категории «больше» и «меньше» предполагают наличие социокультурного континуума, неравенство в котором возникает лишь вследствие экономических различий между априорно равными индивидуумами.

Фальшивое утверждение об априорном равенстве служит своего рода культурообразующим фундаментом капитализма: это именно то, что вызвало — или по крайней мере сделало возможной — чисто монетаристскую оценку любых различий между людьми и их выражения в неравенстве доходов. Отсюда все те свирепые репрессии, порожденные ростом и развитием буржуазии, которые были направлены против различных меньшинств и культурных девиаций, которые именно вследствие своей привязанности к собственной инакости и ориентации на другие ценности представляли угрозу одномерному характеру социокультурной системы, характеризующейся преобладанием товарно-денежных отношений. Именно поэтому идея о всеобщем обязательном образовании, с которой сегодня большинство, ведет к большему единообразию, естественно в пользу наиболее привилегированного большинства. Отсюда — нарастающее неприятие администрацией аргументов профессиональной этики, традиций профессиональной автономии, когда членов различных профессиональных группировок принуждают отказываться от унаследованных профессиональных навыков или скрывать их.

Таким образом, смысл и реальное содержание каждого вида деятельности выхолащивается и заменяется монетаристской «компенсацией», то есть определенной суммой, служащей эквивалентом труду. Повышение такой компенсации, или прибыли, становится главной целью всей производственной деятельности общества. В результате этого труд утрачивает реальное содержание, сводится к определенной принудительной повинности, оцениваемой по его продолжительности, и приобретает работодателями у рабочих подобно любым другим товарам. В результате этого наш доход является критерием, определяющим нашу ценность, а не реальную

деятельность, в отрыве от всяких высших целей. Отчуждение труда превращает деньги (символизирующие могущество) в конечную цель всех усилий индивидуума.

Итак, за демагогическим декларативным стремлением к всеобщему равенству кроется следующее: те, кто имеет определенный уровень доходов, стремятся сравняться с теми, кто стоит на шкале доходов на ступеньку выше их, а те в свою очередь — со стоящими на ступеньку выше их, и т.д. Но за определенной чертой повышение доходов представляет интерес уже не само по себе или благодаря возможности расширения потребления, которое оно обеспечивает. Теперь доходы эти выражают в первую очередь наши претензии на то, что общество обязано признать за нами те же права и тот же статус и право на социальную значимость, которыми пользуются другие. В обществе, основанном на неравенстве оплаты труда, равенство теряет реальный смысл, и поэтому требование равенства представляет собой скрытый источник постоянного наращивания потребительского спроса, неудовлетворенности и социального соперничества.

Таким образом, стабилизация уровня потребления останется невозможной до тех пор, пока:

- все социально значимые виды труда не будут получать равное социальное признание (и вознаграждаться достойной оплатой);
- каждому не будет предоставлена возможность в полной мере реализовать все многообразие своих способностей, желаний и индивидуальных вкусов через посредство неограниченного спектра форм индивидуальной и коллективной деятельности.

Снижение продолжительности социально необходимого труда и расширение возможности использования свободного времени более продуктивно и творчески — естественное и необходимое условие устранения товарно-денежных отношений и конкуренции. Различные стандарты уклада и образа жизни перестанут восприниматься как проявления неравенства, когда они будут являться результатом не неравенства уровней доходов, а различий в целях и устремлениях индивидуумов и общин, по-разному тратящих свое свободное время.

**Социальное самоуправление и
внешнее управление:
гражданское общество и
государство**

Пропась между производством и потреблением, между работой и «приятным времяпрепровождением» является результатом попрания автономных творческих способностей человека ради капиталистического разделения труда. Эта пропась позволяет процветать и постоянно расширяться сфере товарно-денежных отношений. Лишившись всякой возможности хоть как-то влиять на характер и конечную цель труда, трудящийся получает возможность реализовать свою свободу исключительно во внерабочее время. Но так как в такое «свободное» время принято избегать любых видов творческой или созидательной деятельности, то такое проявление свободы сводится к весьма скудному выбору — приобретению различных потребительских товаров и пассивному отдыху.

Такое попрание индивидуальных способностей трудящихся не является исключительно результатом разделения труда и обесценивания производственных навыков вследствие «научной организации труда». Простая критика сложившейся организации труда мало что даст. Дело в том, что попрание индивидуальных способностей, проявляющееся в процессе труда, начинается еще со школы.

Базовая программа обучения в школе претендует на роль компетентного авторитета по всем вопросам и знатока во всяком деле. Однако «всесторонне развитая» личность, которую Маркс называет цельной, поскольку ее потенциальные возможности достигли максимального раскрытия, никогда не сможет стать ничем, кроме универсального дилетанта или любителя. Школьное образование подавляет независимость и индивидуальные способности, отдавая предпочтение иерархической системе оценок «знаний», естественной характерной чертой которых является то, что они не приносят никакой практической пользы тем, кто их приобретает, ибо являются всего лишь условной обменной ценностью на рынке труда. Ничто из того, чему вы учились в школе, не имеет никакой практической пользы. Единственный способ использовать навыки, полученные в школе, — это обратиться к посредничеству третьего лица и попытаться предложить себя «на рынке труда».

Школы не способны научить нас владеть иностранными языками (и даже, по большому счету, своим родным), петь, танцевать или как следует владеть собственными руками и ногами, правильно есть, преодолевать всевозможные препятствия, создаваемые бюрократическими структурами, наконец, ухаживать за маленькими детьми или больными. Если люди перестают петь, но покупают миллионы аудиозаписей, на которых профессионалы поют за и для них, если они не имеют представления о том, как правильно питаться, но с готовностью платят врачам и фармацевтическим компаниям уйму денег за лечение симптомов и последствий неправильной диеты, если они не знают и знать не хотят, как воспитывать детей, заботясь только о том, чтобы возложить бремя их воспитания на плечи специалистов, имеющих дипломы «государственного образца», если они не могут починить радиоприемник или поменять прокладку в водопроводном кране, перевязать вывихнутую лодыжку или вылечить простуду без сильнодействующих лекарств, или работать в саду и огороде и т.д. и т.п., то это объясняется тем, что главной миссией школы является подготовка для производственной сферы, коммерции специальных видов деятельности и, наконец, для государства трудящихся, потребителей, пациентов и клиентов, готовых принять и исполнять предназначенные им роли.

Таким образом, институциональная функция, возложенная на школу, состоит в том, чтобы увековечивать и укреплять — а не корректировать и нейтрализовывать — дезинтегрирующее, инфантилизирующее и антикультурное влияние общества и государства. Между тем в обществе, реально заботящемся об образовании, в обществе, в основе которого лежит живая культура, школа не имела бы такого негативного эффекта и не стала бы тем, чем она является сегодня. Это объясняется тем, что она является составной частью общего процесса, в котором реальные знания, культура и самостоятельность предельно отдалены от процесса труда, от реальной жизни и среды, в которой они работают, от настоящих отношений между человеком и природой, и все ради того, чтобы сосредоточиться на неких формальных функциях и специальных учреждениях, которые неизбежно порождают соответствующую специализацию.

Безработица, то есть неспособность заниматься продуктивной деятельностью помимо работы на кого-либо, является собой финальную точку абсурдности системы, основанной на внешнем регулировании.

Таким образом, посприятие всякой самостоятельности осознается как составная часть процесса, создаваемого отчасти преднамеренно, который ведет к усилению господства капитала — или государства, принимающего на себя его функции, — над трудящимся не только в роли работника, но и в роли потребителя. Лишая индивидуума вместе с его увеличивающейся семьей или общиной возможности самостоятельно производить что-либо из того, что они потребляют и без чего они не могут обойтись, капитализм (и государство) заставляет их удовлетворять все многообразие своих потребностей посредством приобретения товаров (в частности приобретения навязываемых им товаров и услуг), в то же самое время капитализм активно усиливает свой контроль над таким потреблением.

Такое посприятие самостоятельности и культурной автономии, вытекающее из этого, неизбежно ассоциируется с уничтожением государством гражданского общества. Под термином «гражданское общество» я подразумеваю разветвленную сеть социальных отношений, возникающих между отдельными индивидуумами в контексте некой группы, общины или сообщества, существование которой не зависит от посреднической роли институционализирующего влияния государства. Она, эта сеть, включает в себя все виды связей и отношений, возникших добровольно и на основе взаимности, а не на основе закона или юридических обязательств.

Так, например, она включает в себя отношения кооперации и взаимной помощи, которые могут сложиться в общине между соседями или людьми, живущими в одном и том же здании; сплоченность и солидарность рабочего класса в прежние времена; добровольные ассоциации и кооперативы, создаваемые людьми ради реализации своих общих интересов; семейные отношения и отношения в больших патриархальных общинах — короче, все многообразие видов обмена и контактов, которые составляют или некогда составляли основу жизни общины или небольшого городка.

Такая разветвленная сеть саморегулирующихся и неинституционализованных социальных отношений заменяется разделением труда по социальному и территориальному признаку, которое неизбежно сопровождает индустриализацию. Отток населения из сельской местности влечет за собой распад сельских общин, ведет к безудержному разрастанию пригородов и вынуждает людей селиться в спальных

районах городов, сама архитектура и устройство которых создают массу препятствий для контактов и общения между людьми. Увеличение протяженности пути до места работы ведет к постоянной усталости. А страшная перенаселенность городов, перегруженность улиц и транспортных систем превращает нас в некое «мы», некое анонимное человечество, которое самой своей громадной численностью создает препятствия для самореализации и простого передвижения каждого отдельного человека.

Работа воспринимается как наказание, а не как творчество; трудящиеся привыкают чувствовать себя придатками машин, вместо того чтобы те помогали им обрабатывать неодушевленное сырье. Труд притупляет их индивидуальные качества и ведет к атрофии творческих способностей.

Усталость, теснота, нехватка времени и отсутствие контактов с соседями — все это влечет за собой отказ от взаимной помощи: коммерческие структуры, такие, например, как всевозможные агентства, службы быта, сервисные центры и т.п. берут на себя те роли, которые ранее выполняли родители, родственники и соседи.

Упадок гражданского общества везде и всюду сопровождается усилением и расширением диапазона функций структур, созданных государством. Индивидуумы, лишенные всяких связей друг с другом, все чаще обращаются к государству, обвиняя его в том, что они лишились возможности помогать и защищать друг друга, заботиться друг о друге и совместными силами воспитывать детей. Расширение круга функций, которые берет на себя государство и институционализированные им структуры, влечет за собой дальнейшую специализацию, профессионализацию и конкретизацию всех этих видов деятельности, следствием чего является ускорение распада гражданского общества.

Такое замещение и вытеснение гражданского общества государством на политическом уровне соответствует замене самоуправления внешним управлением. В данной связи сохраняет свою силу все сказанное выше о естественном отборе. Внешнее управление действительно может оказаться значительно более эффективным, чем самоуправление: концентрация производства на крупных предприятиях, централизованное планирование (все равно корпоративным менеджментом или государственными структурами), разделение труда и возникающая в результате этого псевдомилитаризация рабочей силы способны, хотя бы на определенном этапе, существенно повысить эффективность производства. Однако концентрация производственных сил неизбежно влечет за собой и их географическую концентрацию, и специализацию их функций.

В результате этого каждая географическая общность — соседская община, городок, мегаполис, регион — не может более функционировать, ориентируясь на свои собственные нужды, но выпускает продукцию, предназначенную для абстрактного и незнакомого потенциального потребителя. Люди перестают потреблять то, что они производят, и производить то, что потребляют. Производство на крупных специализированных предприятиях неизбежно регулируется извне «рынком» и/или государством, которые представляют другие крупные структуры (банки, брокерские конторы, торговые центры, административные агентства), специализирующиеся на осуществлении функций внешнего управления.

Повышение эффективности производства вступает в конфликт с разрастанием бюрократического аппарата, влекущего за собой рост цен, жесткие ограничения, запреты и замедление темпов роста; усиливает централизацию власти и унификацию индивидуумов, (за некоей пороговой чертой) неизбежно ведет к огромным потерям и бессмысленным расходам энергии и ресурсов и, наконец, завершается снижением производительности труда. Подавление гражданского общества под эгидой государства тем самым включает в себя процесс подавления основных свобод и ведет к установлению более или менее милитаризованной системы, в которой государство управляет всем и вся. Такие общественные системы принято называть тоталитарными, поскольку в них государство полностью подменяет собой гражданское общество и превращается в абсолютное «тотальное» государство.

Сегодня мы фактически достигли этого этапа. Ни один из видов социальной или культурной деятельности, никакие позитивные изменения в обществе или процессах производства не могут быть предприняты людьми, прямо заинтересованными в них, без неизбежного вмешательства, надзора или внесения корректив со стороны неких «компетентных органов». Никакая инициатива, исходящая снизу, не может быть реализована без назначения «ответственного» исполнителя — ответственного не перед гражданами, а перед законом. Никакая деятельность не может быть начата или осуществлена без предварительного разрешения, то есть до тех пор, пока ее характер и цель не будут одобрены формальным административным «работодателем». Никакая добровольная ассоциация граждан не может быть организована без подачи заявления на регистрацию, без обязательного предоставления устава, то есть попытки определить круг направлений ее деятельности и задач.

Перед лицом необходимости соответствовать требованиям целого ряда институтов, профессиональных структур, предписаний и правовых актов гражданам неизбежно предлагается исполнять определенный круг ролей, в первую очередь потребителя и клиента, которому на предусмотренной законом основе предоставляется целый ряд услуг и форм помощи. Граждане теперь потребляют не те товары и услуги, которые отвечают их индивидуальным запросам и нуждам, а те, которые соответствуют гетерономным потребностям, навязываемым им профессиональными экспертами или специализированными институтами.

Различия между соперничающими политическими партиями сегодня по большей части заключаются в характере и масштабе обработки населения для удовлетворения произвольно (институционально) устанавливаемых нужд. В политике граждане также рассматриваются в качестве потребителей политических акций, организованных и предлагаемых им «компетентными» структурами: им предоставляется выбор между политическими партиями на основе тех же критериев, по которым они выбирают те или иные чистящие средства. Если же тот или иной гражданин откажется отдать свой голос за кого бы то ни было, он рискует быть обвиненным в «безразличии». Лишенные возможности действовать самостоятельно и в своих интересах, не имеющие возможности войти в контакт с коллегами ради создания в соответствии со своими интересами и системами ценностей собственного образа производства, индивидуализированного вида жилища, вида трудовой деятельности, способа передвижения, характера потребления и образа жизни граждане испытывают нажим, побуждающий

их искать все новые и новые формы помощи «от вышестоящих инстанций», чтобы заполнить просвет между их трудовой практикой и собственной инициативой.

Ограниченное самоуправление муниципалитетов и производственных предприятий, идущее вразрез с этой господствующей тенденцией, абсолютно не способно противостоять постоянно усиливающейся гегемонии государства. Главное, что для этого требуется, чтобы масштаб, функции и организационная структура общин и новых институтов открывали новые возможности для свободы действий, а для этого самоуправление должно основываться на принципе «что делать», а не только на том — как.

Местное самоуправление административных единиц в рамках централизованного административного управления — это абсурд или, по крайней мере, мистификация. Такое самоуправление непременно институируется системой или самим государством и, следовательно, утрачивает свою самостоятельность еще до того, как оно его обретет. Для него невозможно ни избежать, ни в сколько-нибудь существенной мере преодолеть ограничения, характерные для крупных систем, сами масштабы и сложность которых требуют координации и внешнего управления в отношении составляющих их единиц.

Самоуправление лишено всякого смысла в рамках концентрированной и специализированной экономики. Крупные города, специализирующиеся на производстве какого-то одного вида продукции, например, стали или шин, серьезно зависят от циклов динамики деловой активности и рыночных колебаний, лежащих вне сферы их влияния. Требования введения производственного самоуправления и/или привлечение самих рабочих к управлению производством остаются пустым звуком там, где крупные коммерческие корпорации, специализированные монополии являются единственным работодателем и главным налогоплательщиком.

Самоуправление неизбежно распространяется на социальные и экономические структуры, которые являются достаточно небольшими и разнохарактерными, чтобы предоставить всем членам данной общины возможность реализовать свои таланты и способности, обеспечивая широкую основу для человеческого общения и взаимобмена, а также возможность для внесения хотя бы частичных корректив в производство с учетом местных нужд и приоритетов, обеспечивая тем самым гарантированный минимум стабильности.

Короче, самоуправление предполагает наличие средств и объектов самоуправления. Создание таких средств технически вполне возможно. Вопрос здесь состоит не в том, чтобы вернуться к временамагроиндустриального общества или сельской экономики эпохи средневековья, а в том, чтобы подчинить индустриальные технологии широкой индивидуальной и коллективной самостоятельности, вместо того чтобы подчинять эту самостоятельность постоянному развитию индустриальных технологий. Говоря в терминах Иллича, «ценность системы средств производства зависит от ее способности сочетать продукты гетерономного производства со спонтанными желаниями и индивидуальными запросами людей». Переоценка и перераспределение системы средств производства со всей очевидностью предполагает реструктурирование социальных институтов государства. Вопрос заключается не в том, чтобы достичь этого одним ударом, а в том, чтобы заменить их путем расширения функций гражданского общества.

Выступая против тенденций к централизации и тоталитаризму, характерных как для классических правых, так и для ортодоксальных левых, экология ориентируется на обновление гражданского общества и движение по его возрождению.

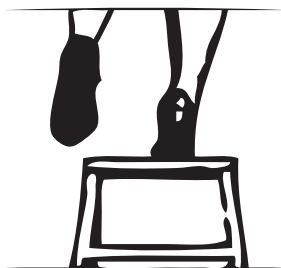
По результатам фрагментарного анализа, положенного в основу нашего эссе, можно сделать целый ряд выводов. Я хотел бы сформулировать их последовательно в форме тезисов, а затем попытаться проиллюстрировать их в качестве утопии, применительно к современному обществу.

1. Причинами нынешнего кризиса капитализма являются гипертрофированное развитие производственных мощностей и деструктивная роль технологий, на которых они основаны. Такое гипертрофированное развитие и деструктивный характер усугубляют существующие проблемы, создавая все новые и новые. Преодолеть этот кризис невозможно без обращения к новому способу производства, который, окончательно порвав с нынешним экономическим рационализмом, должен быть основан на бережной заботе о возобновляемых видах ресурсов и снижении потребления энергии и сырья.
2. Преодоление современного близорукого рационализма и сокращение расхода материалов могут быть достигнуты либо за счет технофашистского централизованного управления, либо путем жизнеспособного самоуправления. Наступление технофашизма невозможно предотвратить никаким другим путем, кроме расширения функций гражданского общества, которое зависит в свою очередь от расширения диапазона средств производства и технологий, способствующих укреплению суверенитета как индивидуумов, так и общин.
3. Прямая связь между «больше» и «лучше» нарушена раз и навсегда. «Лучше» теперь может означать производство с меньшими затратами. Вполне возможно жить лучше, работая и потребляя меньше, при условии, что мы производим более долговечные товары и изделия, которые при этом не наносят вреда окружающей среде и не способствуют возникновению искусственного дефицита при пользовании ими. Статус социально значимого производства должен быть предоставлен товарам, которые являются полезными для всех, будучи доступными для каждого, и наоборот.
4. Бедность в богатых странах вызвана не недостаточным объемом производства, а видами производимых товаров, методами, применяемыми для их производства, и неравенством при их распределении. Бедность не удастся искоренить до тех пор, пока не будет положен конец социально бесполезному производству предметов роскоши, для которых используются редкие виды ресурсов, то есть ресурсов, которые существуют в природе в очень малых количествах. Статус социально значимого товара заслуживают лишь те виды продукции, которые не сопряжены ни с привилегиями, ни с ущемлением прав других.
5. Безработица в богатых странах представляет собой отражение снижения доли социально значимого рабочего времени. Она демонстрирует, что каждый из нас может работать меньше при условии, что работать будут все. Равное социальное признание и достойное вознаграждение за всякий социально значимый

труд — это необходимые условия для преодоления бедности и справедливого распределения рабочих мест между всеми способными трудиться.

6. Поскольку социально значимый труд ограничен производством социально необходимых товаров, сокращение продолжительности рабочего дня может сопровождаться расширением сферы свободно избираемых видов деятельности. Когда все необходимое будет гарантировано социально значимым производством, люди получат возможность посвятить свое свободное время — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне — производству продуктов, которые представляются им наиболее значимыми. Таким образом, производство неограниченного многообразия товаров и услуг, осуществляемое мелкими кооперативами и производственными объединениями соседей, позволит расширить границы свободы и уменьшить роль товарно-денежных отношений, что повлечет за собой расширение функций гражданского общества и постепенное отмирание государства.
7. Однородность типов потребления и стилей жизни, которые характеризуют современное общество, исчезнет вместе с исчезновением социального неравенства. Жизненные стили индивидуумов и общин будут отличаться друг от друга и различаться между собой сильнее, чем это возможно даже представить сегодня. Эти различия, однако, будут следствием различного использования ими имеющихся в их распоряжении времени и ресурсов, а не различной возможности доступа к власти и социальным благам. Развитие автономных видов использования свободного времени, доступных для каждого, станет единственным источником различий и благосостояния.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Андре Горц
Экология и свобода
1977

ru.theanarchistlibrary.org